

КОМЕРСЕТ
МОЭМ

КАРУСЕЛЬ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М87

Серия «Книга на все времена»

W. Somerset Maugham

THE MERRY-GO-ROUND

Перевод с английского *Е. Филипповой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
при содействии литературных агентств
United Agents и The Van Lear Agency LLC.

Мозэм, Сомерсет.

М87 Карусель : [роман] / Сомерсет Мозэм ; [пер.
с англ. Е. Филипповой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2023. — 480 с. — (Книга на все времена).

ISBN 978-5-17-157152-8

Круговорот жизни, чередование удач и несчастий, раз-
лук и неожиданных встреч. Круговорот страстей и увлече-
ний, зависти и дружбы, предательства и самоотверженности.

Дочь священника, посвятившая себя юному поэту, ари-
стократ, разрывающийся между чистой любовью к леди и
плотской страстью к красивой официантке, жена уважае-
мого политика, ставшая жертвой хищного и циничного аль-
фонса, — каждый из них, в сущности, хочет всего лишь быть
счастливым. Кому из них удастся обрести счастье, а кто об-
речен на страдания? И какую цену даже самым «удачливым»
придется заплатить за исполнение желаний?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157152-8

© The Royal Literary Fund
© Перевод. Е. Филиппова, 2012
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2023

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	68
Глава 7	94
Глава 8	112
Глава 9	129
Глава 10	144
Глава 11	161
Глава 12	175
Глава 13	186

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	214
Глава 2	232
Глава 3	242
Глава 4	258
Глава 5	272
Глава 6	291
Глава 7	306
Глава 8	325
Глава 9	343
Глава 10	363
Глава 11	382
Глава 12	403
Глава 13	421
Глава 14	440
Глава 15	460

*Посвящается Герберту
и Маргарите Баннинг*

И все, что я когда-то написал,
Не только в зыбкие слова я облакаю,
А песнь, которую искал,
Но не нашел, вам тоже посвящаю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Всю свою жизнь мисс Элизабет Дуоррис досаждала родным. Женщина с солидным состоянием, она деспотически правила множеством бедствующих кузин, пользуясь своим банковским счетом, как скорпионами Ровоама¹, чтобы наказывать их. Следуя примеру многих других благочестивых созданий, она во благо душ родственников делала их всех без исключения несчастными. Воспитанная в евангелистских традициях, популярных во времена ее молодости, она настаивала, чтобы близкие искали спасения, руководствуясь ее собственными воззрениями, и взяла себе за правило острым языком и едкими издевками постоянно напоминать им об их собственной никчемности. Она распоряжалась жизнями так, как считала нужным, и осмеливалась диктовать не только форму одежды и правила поведения, но и определять мысли людей в своем окружении. Страшный суд уже не мог напугать тех, кто подвергся ее истязаниям. Мисс Дуоррис по очереди приглашала пожить у нее разных бедных леди, которые, злоупотребляя дальними родственными

¹ В книгах Ветхого Завета скорпион знаменует ужасную кару: царь Ровоам, сын Соломона, грозит своим подданным: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». — *Здесь и далее примеч. пер.*

связями, называли ее тетушкой Элизой. Они откликались на ее призывы, звучавшие более властно, чем королевский приказ, с благодарностью, не без доли страха и смиренно несли бремя неволи, как тяжкий крест, надеясь, что им воздастся за это сполна в завещании.

Мисс Дуоррис любила ощущать свое могущество. Во время долгих приемов — ведь в каком-то смысле пожилая леди была очень радушной — она ставила себе особой целью испортить настроение гостям. Она неимоверно забавлялась, наблюдая, с какой кротостью принимаются ее возмутительные требования, публично оскорбляла и унижала людей, по-видимому, чтобы сломить греховную гордость, или заставляла их делать то, что они больше всего ненавидят. Обладая выдающейся способностью мгновенно находить их самые уязвимые места, она обрушивалась на любую слабость с резкой руганью и продолжала до тех пор, пока страдалец не падал ниц, корчась от боли и кровотечения. Никакой изъян, физический или душевный, не давал защиты от ее насмешек, и лишний вес не удостоивался ее снисхождения так же, как потеря памяти. Она всем сердцем презирала своих жертв, высокомерно бросала им в лицо обвинения в продажности их душ и клялась, что никогда не оставит и пенни кучке безвольных глупцов. Она обожала обращаться в благотворительные общества за советами о распоряжении своим имуществом и с неприкрытым ликованием выслушивала их вынужденные и смущенные предложения.

Лишь в общении с одной родственницей мисс Дуоррис видела необходимость проявлять некото-

рую сдержанность, ведь мисс Ли — пожалуй, самая дальняя из ее кузин, — была так же прямолинейна, как и она сама, и к тому же отличалась куда более острым умом, так что могла обратить любое необдуманное заявление во вред оратору, подняв того на смех. Мисс Дуоррис не имела неприязни как таковой к этой независимой особе, напротив, она относилась к ней с определенной симпатией и изрядно ее побаивалась. Мисс Ли, крайне редко испытывавшая затруднения в подборе находчивого ответа, похоже, действительно получала удовольствие от словесных поединков, из которых, благодаря большей вежливости, проворности и эрудиции, обычно выходила победительницей. Пожилую леди озадачивало и в то же самое время забавляло, что женщина намного беднее ее самой, имеющая не меньше претензий на вожаденное наследство, чем остальные, осмеливается не только шутить на ее счет, но и вести войну в ее собственном лагере. Мисс Ли, найдя человека, с которым могла быть откровенной, и не опасаясь при этом угрызений совести, с беспощадным удовольствием указывала кузине на слабую логику ее замечаний или полную абсурдность ее поступков. Ни одно из взлелеянных убеждений мисс Дуоррис не укрывалось от ее иронии; даже ее евангелизм подвергался насмешкам, и богатая старая дама, не привыкшая к возражениям, легко начинала противоречить сама себе. Победительница и не пыталась скрыть свой триумф, а мисс Дуоррис бледнела и теряла дар речи от ярости. Ссоры случались часто, но мисс Дуоррис (хотя осознание того, что первый шаг приходится делать именно ей, ранило, как острый шип, вонзившийся в плоть)

в конце концов всегда прощала мисс Ли. И все же бесповоротный разрыв казался неизбежным. Причина его, как водится, была весьма тривиальна.

Мисс Ли, которая во время отъезда на зиму обычно сдавала свою маленькую квартирку в Челси, ввиду непредвиденных обстоятельств вынуждена была вернуться в Англию, когда ее постояльцы еще не съехали. Она осведомилась у мисс Дуоррис, можно ли остановиться у нее на Олд-Куин-стрит. Как бы старая тиранка ни ненавидела родственников, еще больше она ненавидела жить одна. Ей нужен был человек, чтобы срывать на нем гнев, а по причине болезни племянницы, которая обещала провести с ней март и апрель, она была вынуждена целый месяц пребывать в уединении. Она написала в ответ письмо в весьма повелительном тоне, от которого не могла воздержаться даже в общении с мисс Ли, что ждет ее в такой-то день таким-то поездом. Не ясно, было ли в этом письме что-то, возбуждавшее дух противоречия в мисс Ли, или ее планы не позволяли последовать данным рекомендациям, но в любом случае она ответила, что ей удобнее приехать на следующий день и на другом поезде. Мисс Дуоррис телеграфировала, что если гостя не явится в день и час, указанные в письме, то она не сможет отправить экипаж и встретить ее, на что более молодая леди лаконично ответила: «Не надо!»

— Она упрямая как ослица, — бормотала мисс Дуоррис, читая телеграмму и представляя, как тонкие губы кузины изгибались в улыбке, когда она писала эти два равнодушных слова. — Наверное, она думает, что очень умная.

Несмотря ни на что, хозяйка встретила мисс Ли с некой мрачной учтивостью, припасенной специально для нее, ведь она раздражала ее меньше остальных родственников и, хотя не была ни покорной, ни вежливой, никогда не отличалась занудством. Ее манера общения держала мисс Дуоррис в напряжении, так что в ее обществе она обычно проявляла себя с лучшей стороны, а иногда, если забывала о своей привычке довлеть над всеми и вся, даже казалась разумной и веселой женщиной.

— Стареете, моя дорогая, — заметила мисс Дуоррис, когда они сели ужинать и она принялась оглядывать гостью, силясь обнаружить морщины и «гусиные лапки».

— Вы мне льстите, — парировала мисс Ли. — Старость — единственное оправдание для женщины, которая твердо решила прожить жизнь в одиночестве.

— Я полагаю, как и остальные, вы согласились бы выйти замуж, если бы вам кто-то предложил?

Мисс Ли улыбнулась:

— Два месяца назад один итальянский князь предложил мне руку и сердце, Элиза.

— Папист что угодно может выкинуть, — ответила мисс Дуоррис. — Полагаю, вы сообщили ему об уровне своего дохода, и он пришел к выводу, что переоценил собственные чувства к вам.

— Я отказала ему, потому что он слишком добродетелен.

— Не подумала бы, что в вашем возрасте можно позволить себе быть столь разборчивой, Полли.

— Разрешите заметить, что вы обладаете весьма забавной способностью размышлять на одну и ту

же тему в одно и то же время в двух диаметрально противоположных плоскостях.

Мисс Ли была стройной женщиной среднего роста. Ее волосы, уложенные в простую прическу, уже тронула седина, а лицо, почти все покрытое морщинами, отличалось четкими чертами, которые позволяли предположить, что она обладает сильным характером. Ее губы, тонкие, но выразительные и подвижные, добавляли ее виду решимости. Она не обладала статью, и даже в молодости уж точно не считалась хорошенькой, зато в ее осанке чувствовалась грация, а в манере поведения — некое обаяние. Ее глаза были очень яркими, а взгляд — столь пронизательным, что иногда почти обескураживал: она без единого слова могла обратить любую претенциозность в абсурд. Притворные ужимки под этим изучающим взором, не то презрительным, не то насмешливым, сразу исчезали. И все же, о чем не забывала напоминать ей мисс Дуоррис, она и для себя выработала определенную позу, но принимала ее столь восхитительно, с такой сдержанной и добавляющей благопристойностью, что немногие это замечали, а если и замечали, то не находили в себе сил на порицание: она достигла в этом такого совершенства, что это можно было счесть искусством. Ради этой эстетической игры мисс Ли полюбила одеваться как можно проще, как правило, в черное, и единственным ее украшением служила драгоценность эпохи Возрождения такой удивительной красоты, что ни один музей не отказался бы включить ее в свою коллекцию: она носила ее на шее на длинной золотой цепи и с наслаждением крутила пальцами, чтобы продемонстрировать, если ве-

рить ее прямолинейной родственнице, очевидную красоту собственных рук. Ее идеально сидящие туфли и ажурный узор на шелковых чулках позволяли предположить, что она не без причины гордилась изящной стопой — маленькой, с высоким подъемом. В таком облачении, когда приходили гости, мисс Ли и восседала в итальянском дубовом кресле с прямой спинкой и изысканной резьбой, которое размещалось между двух окон у стены. А еще она развила некую чопорность манер, делавшую невероятно эффектными ее выступления, в которых она дерзко критиковала жизнь и развлекала тем самым друзей.

Через два дня после приезда на Олд-Куин-стрит мисс Ли объявила о намерении прогуляться. Она спустилась, прихватив модный зонтик от солнца, который купила, когда была проездом в Париже.

— Вы ведь не собираетесь на прогулку с этой вещичкой? — пренебрежительно спросила мисс Дуоррис.

— В самом деле собираюсь.

— Чепуха. Вы должны взять нормальный зонт. Будет дождь.

— У меня есть новый зонтик от солнца и старый от дождя, Элиза. Я уверена, что все будет хорошо.

— Дорогая моя, вы ничего не знаете об английском климате. Говорю вам: пойдет проливной дождь.

— Вздор, Элиза!

— Полли, — ответила мисс Дуоррис, выходя из себя, — я желаю, чтобы вы взяли зонт. Барометр опускается, и я ощущаю покалывание в ногах, а это верный признак приближения непогоды. С вашей

стороны крайне нерелигиозно осмеливаться строить догадки на тему погоды.

— Рискну предположить, что с метеорологической точки зрения я знаю о путях Провидения не меньше вас.

— А это, думается мне, не смешно, а богохульно, Полли. Я жду, что в моем доме люди будут вести себя так, как говорю я, и настаиваю, чтобы вы взяли зонт.

— Не говорите глупостей, Элиза!

Миссис Дуоррис дернула за шнурок звонка и, когда появился дворецкий, приказала ему принести ее собственный зонт для мисс Ли.

— Я категорически отказываюсь им пользоваться, — заявила более молодая леди улыбаясь.

— Пожалуйста, не забывайте, что вы у меня в гостях, Полли.

— И следовательно, имею право поступать так, как мне хочется.

Мисс Дуоррис, крупная пожилая дама весьма внушительного вида, поднялась и угрожающе вытянула вперед руку:

— Если вы выйдете из дома без зонта, то никогда больше не войдете сюда снова. Вы никогда не переступите этот порог, пока я жива.

Мисс Ли явно пребывала не в лучшем расположении духа тем утром, потому что поджала губы весьма характерным образом и посмотрела на старшую кузину с холодным презрением.

— Моя дорогая Элиза, вы сильно преувеличили собственную важность. В Лондоне нет гостиниц? Похоже, вы думаете, что у вас в гостях я скорее получаю удовольствие, чем умерщвляю свою плоть. А на

самом деле этот крест стал для меня тяжеловат, потому что я думаю, у вас худшая кухарка в столице.

— Она со мной двадцать пять лет, — ответила мисс Дуоррис, на ее щеках появились два красных пятна. — И до вас никто не рискнул пожаловаться на ее стряпню. А если бы кто-то из моих гостей это сделал, я бы ответила: что хорошо для меня, слишком хорошо для всех остальных. Я знаю, Полли, что вы упрямы и вспыльчивы, и готова закрыть глаза на эту дерзость. Вы все равно отказываетесь сделать так, как я прошу?

— Да.

Мисс Дуоррис яростно затрясла звонком.

— Скажите Марте, чтобы немедленно упаковала чемоданы мисс Ли, и вызовите извозчика! — громогласно воскликнула она.

— Прекрасно, мадам, — ответил дворецкий, призывший к причудам хозяйки.

Потом мисс Дуоррис повернулась к гостье, которая созерцала ее с возмутительной веселостью.

— Я надеюсь, вы понимаете, Полли, что я говорю совершенно серьезно.

— Между нами все кончено, — насмешливо ответила мисс Ли. — Вернуть ваши письма и фотографии?

Некоторое время мисс Дуоррис просидела в молчаливом гневе, наблюдая за кухиной, которая взяла «Морнинг пост» и с превеликим спокойствием читала модные новости. И вот дворецкий объявил, что извозчик уже у двери.

— Что ж, Полли, вы действительно уезжаете?

— Я вряд ли могу остаться, когда мои вещи уже упаковали и прислали экипаж, — хладнокровно ответила мисс Ли.

— Вы сами к этому стремились, я не хочу, чтобы вы уезжали. Если признаете, что своевольны и упрямы, и возьмете зонт, я готова забыть обиду.

— Взгляните, какое на улице солнце, — произнесла мисс Ли.

И словно для того, чтобы в самом деле разозлить старую тиранку, яркие лучи, танцуя, проникли в комнату и дерзко расцвели ковер.

— Думаю, мне следует сообщить вам, Полли, что я намеревалась оставить вам десять тысяч фунтов по завещанию. Теперь, разумеется, я не стану претворять в жизнь это намерение.

— Вам лучше бы оставить деньги Дуоррисам. Честное слово, учитывая то, что они состоят в родстве с вами уже больше шестидесяти лет, я считаю, они это действительно заслужили.

— Я оставлю деньги тому, кому пожелаю! — завопила мисс Дуоррис, выходя из себя. — И если захочу, то пожертвую все до последнего пенни на благотворительность. Вы очень независимы, поскольку получаете нищенский доход в пять сотен за год, но этого явно недостаточно, чтобы вы могли жить спокойно и не сдавать квартиру, когда уезжаете. Помните: никто не имеет права предъявлять мне претензии, а я могу сделать вас богатой женщиной.

Мисс Ли ответила с величайшей рассудительностью:

— Моя дорогая, я твердо убеждена, что вы проживете еще лет тридцать, истребляя род человеческий в целом и своих родственников в частности. Мне не стоит тщетно надеяться на то, что я кого-то переживу, и долгие годы подчиняться прихотям крайне невежественной старой женщины, самонадеянной и властолюбивой, скучной и претенциозной.

Мисс Дуоррис, задохнувшись, затряслась от ярости, но собеседница беспощадно продолжала:

— У вас множество бедных родственников, издевайтесь над ними! Выплескивайте свой яд и злость на этих жалких подхалимов, но, умоляю, отныне избавьте от ваших бесконечно занудных речей *меня*.

Мисс Ли всегда испытывала небольшую слабость к высокопарным высказываниям, а в этой фразе слышалась некая помпезность, что чрезвычайно ее развеселило. Она чувствовала, что на эти слова не найдет ответа, и, исполненная чувства собственного достоинства, покинула комнату. Две леди больше не общались, хотя мисс Дуоррис, властолюбивая, суровая и убежденная в истинности евангелизма до самого конца, прожила в здравом уме и трезвом рассудке еще почти двадцать лет. В итоге она умерла после сильного душевного волнения, поводом к которому послужил мелкий проступок горничной, и ее родственники разом с облегчением вздохнули, словно тяжелое бремя упало с их плеч.

Они стояли на похоронах без единой слезы и все еще со страхом поглядывали на свинцовый гроб, скрывавший останки этой грубой, сильной, довлевшей над всеми старой женщины. Потом, нервно подрагивая от нетерпения, они принялись упрашивать семейного юриста обнародовать завещание. Написанное ее собственной рукой и засвидетельствованное двумя слугами, оно звучало так:

Я, Элизабет Энн Дуоррис, проживающая в доме 79 по Олд-Куин-стрит в Вестминстере, незамужняя, настоящим отменяю все прежние составленные мной завещания и завещательные распоряже-